

ДЕД

Деду становилось все хуже. С каждым днем. Неотвратимо, медленно, неумолимо, как наползающая темнота ночи. Когда Андрей с матерью заехали проведать его, он не был еще совсем плох, но уже не говорил, как прежде, не спрашивал у Андрея, как дела в школе, не проверял знание таблицы умножения. Дед просто лежал молча на диване и смотрел в потолок. Непонятно, думал ли он в этот момент о чем-нибудь или просто смотрел.

Когда ему чего-то хотелось (еще хотелось, и это радовало бабуку и мать) он медленно садился и мычанием просил покурить или пить, но не есть, бабука говорила, что он почти совсем ничего не ел. Бабука брала папиросу, вставляла ему между пальцами, и он курил.

На Андрея это производило ужасающее впечатление. В то время не было фильмов ужасов со всякими ходячими мертвецами, зомби и прочей гадостью, никакого такого мусора тогда просто не существовало.

Но Андрею казалось, что дед уже помер, а тот человек, который сидит на диване и, глядя в никуда, молча затягивается папиросой и выпускает дым, вовсе не его дед, а какая-то большая и страшная кукла, которую бабушка с утра заводит и та двигается, лежит, мычит, курит, иногда ест или пьет.

Чтобы не смотреть на это, Андрей попросил у матери разрешения разобрать коробку с самодельным гэдээровским самолетом, купленным только что, по дороге, совершенно случайно, ибо такие вещи «просто так» можно было купить именно случайно. Иначе надо было либо точно знать, где их выбросят и приехать заранее, либо доставать по блату.

Самоклейки из дружественной ГДР были небывалым и для многих вожделенным дефицитом. Андрею, можно сказать, крупно повезло. Отец тоже, насколько позволяла коммуналка, увлекался этими моделями, но Андрея не подпускал и на пушечный выстрел — сам где-то доставал, приносил, и потом сам долго и с наслаждением клеил. Готовое творение тут же отправлялось на один из шкафов, куда сыну наведываться категорически запрещалось под страхом яростного смертоубийства...

С тех пор как отец, забрав свои самолеты, переехал в соседнюю комнату, то есть почти ушел из семьи, Андрей иногда позволял себе крамольную мысль о возможности самоличного владения и сборки какой-нибудь из тех моделей.

И не важно, какой это был бы самолет. Все они были красивы, аккуратно сделаны, в каждую коробку заботливо вкладывался хитрой формы серебристый тюбик вкусно пахнущего клея. Аккуратные немцы никогда не путали необходимые детали и всегда к каждой модели прилагались переводные картинки различных

опознавательных знаков для крыльев, фюзеляжа и киля, чтобы было совсем уж как на настоящем самолете.

Андрей осторожно взял коробку. Это был Ан-24. Винтовой! Красавец!

— М-м-м, — услышал Андрей и поднял голову. Дед смотрел на него. Внимательно и строго, как всегда. Андрей по привычке сначала испугался, но потом заметил, что обычно грозный взгляд изменился. Он стал каким-то пронзительным, осмысленным и одновременно недоуменным. Такой взгляд можно увидеть у страдающего или умирающего животного. Андрей не мог отвести глаз и замер.

Но дед вдруг, подняв брови, слабо улыбнулся и слегка кивнул. Глаза его увлажнились. Андрей не ожидал такого от деда. Он привык бояться и ждать грубого окрика или строгого замечания. Дед, казалось, никогда не смеялся и добрел только в одном случае — когда напивался. Тогда все, кроме бабки, конечно, вздыхали с облегчением, потому что любые взыскания отменялись, а обязанности проверялись добродушно-снисходительно.

В такие моменты Андрея, которому надлежало знать всю таблицу умножения назубок, не мучили пересказом от начала до конца, а лишь ограничивались проверкой двух первых строчек. После чего счастливец с похвалами отпускали гулять.

Андрею стало нестерпимо жалко деда, но, помня наставления отца о том, что он должен быть мужиком, Андрей сдержал подкатившие слезы и показал рукой на коробку.

— А мне мама самолет купила, — тихо сказал он и для убедительности взял крышку, на которой был красочно нарисован взлетающий Ан-24, и повернул ее в сторону деда. Дед чуть скосил, как показалось Андрею, глаза на картинку, но никак не прореагировал.

— Вот, — Андрей стал доставать из коробки детали и показывать деду. — Вот это фюзеляж... а это крылья... они тоже из двух частей... я потом их склею и здесь еще будет номер... вот... и полоски. Вот переводилки...

Андрей осмелел и по очереди показывал, разясняя, как будет собирать модель и наносить расцветку с номерами.

Дед слушал внимательно, и Андрей, забыв страх, был неопишимо счастлив, что может вот так запросто рассказывать деду о своем любимом увлечении, а тот, не сердясь и не ругаясь, слушает его и понимает.

Папироса у деда в пальцах потухла, и вошедшая в комнату бабка вынула и выбросила ее в огромную керамическую пепельницу с крутящимся металлическим диском. Андрею очень нравилось в нее играть (бабка тайком от деда позволяла это делать), нажимать торчащую вверх рукоятку с белым набалдашником и смотреть, как диск под рукояткой начинает, все убыстряясь, крутиться, одновременно опускаясь и утаскивая в чернеющие по краям круга щели остатки пепла или мелкие бумажки, которые для пущего удовольствия Андрей подкладывал в пепельницу.

Бабка несколько раз громко спросила, будет ли дед есть, он промычал в ответ, на что бабка сказала «не хочешь — как хочешь» и уложила его обратно на диван.

Во все время обеда Андрей поглядывал в сторону дивана. Но дед лежал, так же как и раньше, неподвижно уставившись в потолок. Андрею хотелось еще поговорить с дедом, что-нибудь рассказать ему. После обеда дед уснул, а Андрей с матерью отправились домой.

На следующий день Андрей, едва дождавшись окончания завтрака, с дрожанием восторга принялся за сборку. Он аккуратно и не торопясь расстелил на столе газету, приготовил маленькую кисточку для клея, заранее выпрошенные у матери спички (для «тонких» работ) и положил перед собой коробку с самолетом. На картинке он был по-прежнему прекрасен, и желание собрать его не только не ослабло, но многократно усилилось.

Андрей стал снимать крышку и остановился. Он вспомнил вдруг вчерашнее обращение с дедом, его на мгновение оживший взгляд, интерес, пытававшуюся прорваться сквозь броню болезни, потухшую папиросу, бабу, пристававшую со своей едой, и ему показалось, что теперь этот самолет не только его, Андрея, но и немножко деда. И что теперь они, как два настоящих мужика, должны вместе построить этот самолет. Что нужно успеть непременно сделать это вместе с дедом, пока... пока это можно было еще сделать...

Андрей посидел несколько минут, слушая себя, пока не убедился, что принял правильное, единственно правильное, настоящее решение. Он спокойно встал и пошел на кухню сообщать матери, что нужно срочно ехать к бабушке. Мать ничуть не удивилась, хотя Андрей никогда не высказывал подобного желания, и призналась даже, что сама планировала сегодня снова туда ехать, только без Андрея. Но раз он хочет, то поедет вместе.

Дальше было делом техники настоять на том, что необходимо взять с собой самолет, чтобы никому не мешать и быть занятым. На это Андрей опять же получил согласие и, довольный удачей, засобирался к выходу.

У бабушки со вчерашнего дня ничего не изменилось — дед лежал на диване, глядя в потолок, бабу суетилась по хозяйству, убегая то и дело на кухню, до которой семь лет назад Андрей любил с ветерком прокатываться на велосипеде по длинному полутемному коридору.

Андрей поначалу хотел подойти к деду, сообщить о своем самостоятельном мужском решении и предложить союз. Но снова заробел и тихонько стал устраниваться за большим круглым столом, лишь изредка посматривая в его сторону.

Когда все приготовления были закончены, Андрей в очередной раз глянул на деда, немного подумал и опять, не решившись позвать его, принялся за работу.

Осторожно, помня, как это делал отец, Андрей отсоединил одну половинку будущего фюзеляжа от рамки, затем вторую, открепил иллюминаторы и окна кабины пилотов, зачистил все заусенцы, потом при помощи ножниц распечатал тубик с клеем, взял кисточку и медленно окунул ее в тягучую, прозрачную жидкость.

Дед пошевелился. Андрей быстро поднял глаза, но движение руки не остановил — слишком важный момент, отец говорил: «Как начнешь, так и пойдешь!..» Андрей снял о кромку тубика лишний клей, быстро и ловко наметил кисточкой оконные планки, тут же поставил их на свои места, и после, уже медленнее, принялся намазывать клей на стыковую плоскость одной из половинок фюзеляжа.

Дед снова пошевелился и попытался сесть. Андрей, не переставая наносить клей, следил за дедом. Когда, пройдя по кругу, полоска клея слилась со своим началом, Андрей отложил кисточку и взял в руки вторую половинку. Как полагалось, он подождал секунд пятнадцать-двадцать и, следя за ровностью, медленно состыковал обе половинки, сильно прижав их друг к другу. Теперь нужно было, не двигаясь и не дыша, посидеть так, чтобы детали схватились клеем.

Андрей посмотрел на деда. Тот сделал еще одно усилие, и ему удалось сесть. Андрей плотно держал половинки и быстро переводил взгляд с них на деда. Андрей забыл, сколько так нужно было сидеть и держать, но решил делать это подольше, для надежности.

Дед был снова неподвижен и смотрел куда-то впереди себя и мимо Андрея. Он заметил, не сразу, но приглядевшись, что дед сидит как-то иначе, чем вчера... Чуть выпрямившись. Вчера он горбился и могло показаться, что он вот-вот, окончательно ослабев, повалится на диван, но сегодня — и это было определенно... точно — спина его держалась прямо и во всем облике едва-едва, однако различимо, просматривалась былая сила. Вернее, не она сама, но некое ясное воспоминание о ней. Из тех воспоминаний, что бывают почти так же реальны, как и сама явь.

Андрею не показалось это чудесным — в глубине души он верил, что все должно жить и никто не должен болеть и умирать.

Андрей медленно разжал пальцы и внимательно осмотрел фюзеляж. В нескольких местах на стыке выдавилось немного клея. По наблюдениям за работой отца Андрей знал что делать — взял заранее заготовленную маленькую тряпочку и, как мог, аккуратно снял излишки клея. В одном месте получилось не очень хорошо — клей чуть размазался и остались крохотные серые разводы. К счастью, они пришлись на низ, у самого отверстия для подставки, там, где никто не увидит (если, конечно, не ставить самолет на шкаф, как это делал отец). Андрей убедился, что с разводами уже ничего не поделает, и занялся крыльями.

Увлечшись одним из них, Андрей забыл про деда и какое-то время не поднимал на него головы, как вдруг услышал скрип дивана. Взглянув, Андрей обомлел — дед тяжело, но уверенно поднимался на ноги и, закончив подъем, встал, держась за шкаф, стоявший вплотную к изголовью дивана. Дед смотрел на Андрея удивленно, как будто сам не ожидал от себя подобной прыти.

Андрей, сообразив, отложил готовое крыло и подбежал к деду. Опершись тяжелой рукой о плечо Андрея и оттолкнувшись от шкафа, дед направился в сторону стола. Андрей старался не подвести и стойко выдерживал всю тяжесть огромной дедовой руки на плече. Он был так рад, что дед неожиданно ожил и теперь можно надеяться на хороший исход, что почувствовал себя могучим богатырем из сказки, наделенным волшебной силой...

Путь до стола был долгим. Долгим и счастливым. Андрей только молился, чтобы в это время не вошла мама или бабушка. Ему казалось, что если кто-то войдет, то волшебство окончится, дед упадет и больше уже не встанет. Почему ему так казалось, он и сам не отдавал себе в этом отчета, и, когда они дошли до стола и дед тяжело опустился на стул, Андрей выдохнул с облегчением — всё, теперь пусть входит кто хочет, главное дело они сделали...

— Вот, смотри... — Андрей немного запыхался, но ему не терпелось все показать деду, и он поочередно брал в руки и вертел перед дедом сначала фюзеляж, а потом крыльями. Дед молча и заинтересованно, с пониманием, смотрел на готовые части.

Отдыхавшись, Андрей принялся за работу, попутно объясняя и комментируя деду каждое свое действие. Он отсоединил оставшиеся мелкие детали от рамок и занялся шасси. Они должны были крутиться, и это условие непременно нужно было соблюсти.

Андрей на несколько секунд снова углубился в процесс, а когда поднял голову с восклицанием «Вот!», увидел, что дед держал в одной руке фюзеляж, а в другой — одно из крыльев и внимательно их разглядывал, что-то прикидывая. Андрей остановился и стал ждать. Дед медленно указал крылом на клей. Андрей с готовностью кивнул, взял кисточку и, набрав в нее клею, стал намазывать крыло и паз в фюзеляже. Дед твердо держал детали и даже чуть подворачивал их, помогая Андрею.

— Теперь надо подождать немножко, — авторитетно сказал Андрей, откладывая кисточку в сторону. Дед не спорил, послушно ожидая. Андрей важно осмотрел намазанное, подул, сосчитал — на всякий случай — еще разок до десяти и махнул рукой:

— Пора!

Дед стал осторожно сближать детали, Андрей внимательно следил за движением. Дед промахнулся и ткнул крылом в сторону от паза. Андрей тут же подхватил его руки и направил точно куда было нужно. Он держал огромные дедовы ладони и гордился тем, что они слушаются его.

— Надо прижать и так посадить, — уверенно, с учительской ноткой в голосе сказал Андрей. Дед опять не спорил и сосредоточенно смотрел на общую работу.

Со вторым крылом они поступили так же. Андрей сам вложил деду в пальцы детали, нанес клей и, манипулируя его руками, вклеил крыло. Теперь оставалось доделать стабилизаторы и можно приступать к мелочовке — винтам, шасси, антеннам. Стабилизаторы дед уже приделал сам, попав без помощи Андрея ровно в пазы.

Дальше Андрей пожалел деда и взял на себя «миллиметровку», как он сам назвал тонкую кропотливую сборку мелких деталей. Дед все более оживлялся, глаза его заблестели, морщины на лице разгладились, и пару раз он порывался помогать Андрею. Но тот, войдя в азарт и не замечая оживления деда, отстранял его со словами: «Сейчас, сейчас! Подожди!..»

Наконец все было почти закончено — гондолы двигателей, винты, шасси с открытыми створками люков, антенны. Оставалось лишь нанести переводные картинки цифр и окраски.

Андрей, не дыша, торжественно закрепил самолет на белой ромбовидной подставке и перевел восхищенно-удовлетворенный взгляд на деда. Дед улыбался и совсем перестал быть похожим на большую, страшную куклу, так напугавшую Андрея накануне.

— Здорово, правда? — спросил деда Андрей.

— Мгм, — кивнул дед и, медленно подняв свою огромную руку, погладил внука по голове.

— Теперь нужна вода, — серьезно сказал Андрей и добавил: — Для переводилок.

Он вскочил и побежал на кухню к маме и бабушке, чтобы попросить воды.

Выскачив из комнаты, Андрей остановился и подумал, как он скажет про деда... Но счастье его было так велико, что, ничего не придумав, Андрей вбежал в кухню и выпалил разом:

— Мама, бабушка, дедушка выздоровел, мы сделали самолет, нам нужна вода для переводилок!

Мать с бабкой о чем-то говорили и несколько недовольные тем, что их прервали, велели Андрею успокоиться, не городить чушь и выдали, как он попросил, блюдце с горячей водой из-под крана. Удостоверившись, что ему более ничего не нужно, мальчик был отправлен назад в комнату с указанием, вдогонку, не тревожить дедушку.

Когда Андрей вошел в комнату, дед стоял около буфета и что-то медленно и тщательно жевал. Андрей тихонько, чтобы не расплескать воду, поставил блюдце на стол и удивленно посмотрел на деда. Перед ним на столешнице буфета лежал раскрытый пакет с ржаным круглым хлебом, и дед, отломив кусок и громко чавкая, смачно его жевал. Завидев Андрея, дед подмигнул ему заговорщически, отломил от своего немаленького куса другой и протянул внуку. Андрей взял хлеб и, подмигнув в ответ деду, стал тоже, громко чавкая, с наслаждением уплетать нехитрое угощение. Хлеб был мягкий, свежий и, как Андрею показалось, даже чуть теплый.

— Вкусно! — довольно оценил Андрей.

— Мгм! — подтвердил дед.

— А я воду вот принес, — Андрей показал на стол. — Пошли переводилки клеить!

Дед, придерживаясь за буфет, подошел к столу, медленно, но самостоятельно вернулся на свое место, Андрей занял свое.

Насчет переводных картинок он нервничал — если какая-нибудь из них слишком размокнет, то запросто может порваться и тогда все... пиши пропало — на выброс! Тут ошибаться было никак нельзя, все картинки имелись исключительно

в единственном числе. Конечно, самолет и без картинок хорош. Но без них ему было бы так нехорошо стоять, как будто он недоделанный, дефектный. Андрей представил себе, как Ан-24 стоит грустно-белый, лишенный номеров, красно-синих полос, неизменного флага на киле и, тряхнув головой, поскорей отогнал от себя досадную мысль. Он сосредоточился, потер ладони и, выдохнув, решительно взял в руки ножницы.

Каждую деталь разметки он вырезал отдельно и несколько раз примерял на предназначенное место. Затем взял первые, «легкие» кусочки (ими были номера) и опустил их в воду. Дед внимательно следил за действиями внука и всем своим видом показывал готовность чем-нибудь в случае необходимости помочь.

Андрей аккуратно вынул из воды первый кусочек с цифрами и, проверив указательным и большим пальцами, скользит ли картинка, нанес ее на борт самолета, одновременно вынув подложку. Отодвинувшись назад, Андрей посмотрел на плод своих стараний и решил, что, вопреки поговорке, «первый блин» у него получился «не комом».

Воодушевленный успехом, Андрей смело взялся за продолжение и дед нашел чем помочь ему — одной рукой он придерживал подставку, другой самолет и каждый раз, когда Андрей подносил руку с очередным кусочком, замирал, подняв брови.

Этот этап работы оказался наиболее трудным и напряженным. Андрей забыл обо всем и изо всех сил старался не расслабляться. Но вот последнее, что Андрей оставил на закуску — два флага по одному на обе стороны киля — было с небольшими огрехами сделано, и, снова выдохнув, уже от облегчения и чувства выполненного долга, он откинулся на спинку стула, любовно осматривая самолет.

Дед точно так же смотрел на их общее творение и улыбался.

— Здорово получилось! — резюмировал осмотр Андрей.

— Мгм! — согласился дед.

— Позовем маму с бабушкой? — предложил Андрей и вскочил. Дед остановил его жестом и поднялся.

— Я... сам... — медленно проговорил он глухим, охрипшим от долгого молчания голосом и, шаркая, побрел к двери.

КАМУШКИ

— Али-баба!

— О чем, слуга?

— Пятого-десятого... Андрюшу нам сюда!..

Андрей отпустил руки справа и слева. Он, как полагается, сделал разгончик, отступив шагов на пять назад. Выбрал куда бежать. Хищно посмотрел на цель. И ринулся вперед. Девчонки заверещали восторженно, и через несколько секунд он со всей силы и скорости врезался в сцепление рук Можарова и Вики. Именно туда он и целился. Сцепление оказалось не столь крепким и, не устояв под сокрушительным натиском, разомкнулось. Одобрительный хоровой возглас поднялся над поляной, и Андрей, вернувшись к месту прорыва, взял вожделенную руку Вики с одной стороны и, тут уж ничего не поделаешь — правила есть правила, — пренебрежительно руку Можарова с другой.

— Молодец, — послышалось со стороны Можарова.

Андрей, не глядя, снисходительно улыбнулся:

— Спасибо.

— Не за что, — отозвался Можаров. Чего-то он явно хотел. Андрей вопросительно посмотрел на него.

Можаров выдержал паузу, прищурился и сказал:

— На «камушки»ходим?..

— Сходим, — Андрей попытался ответить сразу, но предательская запинка, микроскопическая, все-таки была. Андрей почувствовал досаду — теперь у Можарова будет преимущество, он наверняка заметил. Ну и ладно, подумал Андрей, фиг с ним, пусть думает что хочет...

— Когда? — коротко спросил он.

— Сегодня, после ужина... Или хочешь раньше? — в голосе Можарова слышалась издевка. Да, заметил...

— Давай раньше, — безразлично откликнулся Андрей. — Мне все равно...

— О! Какой ты смелый! — попытался снова поиздеваться Можаров. Но теперь это уже был перебор. Андрей ничего не ответил и присоединился к очередному одобрителю возгласу коллектива. Можаров недовольно умолк и больше не проявлял себя.

Вскоре Андрея позвали на другую сторону, а после и сама игра прекратилась — всех позвали на обед...

Во время обеда Андрей чувствовал на себе пристальный взгляд Можарова и испытывал дискомфорт. Хотелось встать, подойти к его столу и надеть ему тарелку с супом на голову. Но и суп не заслужил такой участи, потому как был весьма неплох, и воспитатели не одобрили бы подобный демарш. Андрей стерпел и постарался пораньше, но в то же время неторопливо, убраться из столовой. «Тихий час» прошел более спокойно благодаря тому, что Можаров квартировал в другой комнате. Андрей сам удивился, как, не любя обычно «тихие часы», в этот раз с удовольствием заснул.

После «тихого часа» и обязательного полдника всех опять погнали на поляну.

Поляной называли поле, причем приличных размеров. С одной стороны оно ограничивалось еловой непроходимой чащей — туда никто не совался ни теперь, ни раньше. Во всяком случае, свидетельств этому не сохранилось.

Напротив леса, поле, нырнув широкой и глубокой канавой, переходило в дорогу, пыльную и плоскую, за которой, расширяясь во все стороны, укатывалось неизвестно куда.

С третьей — упиралось в какие-то заброшенные сады, откуда манили ароматами яблоки, груши и сливы, надежно запечатанные высоким сетчатым забором, увенчанным зачем-то колючей проволокой.

И, наконец, четвертая сторона поля ложилась под длинную гряду камней, маленьких, больших и очень больших, словно горы расположившуюся в несколько рядов от дороги до леса.

Как она там появилась, никто не знал, и толком даже старики не могли ответить. Гипотезы выдвигались разные — от инопланетного происхождения, до остатков каких-то старинных фундаментов. Местные ласково называли эту часть поля «камушками». От местного название перешло и в лексикон лагеря.

Но на «камушки» никого не пускали воспитатели. Поговаривали, что место там опасное и что вроде кто-то там убится чуть не до смерти. А потому предложение Можарова представало особенно лестным и не терпящим отказа. Ни под каким предлогом. Кроме того, те же местные горячо утверждали, что по ночам там бродят призраки, а если кто захочет днем прогуляться по камушкам, то запросто может и пропасть. Как пропасть? А вот так — исчезнуть и все!.. Бывали случаи — угрожающе настаивал кто-нибудь из местных, рассказывая идиотские истории вроде той, в которой некий малолетка, попершийся на «камушки», в секунду превратился в

деревянную ногу. И, мол, если не верите, можете посмотреть — она где-то между камней до сих пор лежит. Кто видел? Ну, кто надо, тот и видел!.. Идите и сами посмотрите!..

Андрей, когда слушал эту историю, неудержимо хохотал, что едва не послужило причиной показательного избиения городского нахала за оскорбление районных культурных ценностей...

Никто из воспитателей, скорее всего, тоже не верил в местные сказания, но тем не менее запрет на посещение «камушков» был определенный и строгий — непременно же кто-нибудь что-нибудь себе сломает и отвечай потом...

Однако Можаров не просто так пригласил Андрея. Это, разумеется, был вызов. Не ответить на него или благоразумно отступить было равносильно позорному поражению, и Андрей сравнивал ситуацию с, ни много ни мало, пушкинской дуэлью. Хотя в глубине души и не понимал, зачем дорогой Александр Сергеевич и, главное, КАК мог попасться на такую дешевую (с точки зрения Андрея) уловку этого Дантеса? Ну, сказал бы ему «Пошел ты туда-то и туда-то...», в той форме, в какой тогда было принято говорить подобные вещи, и все... Жил бы себе спокойно дальше.

Нет, говорили Андрею, ты ничего не понимаешь — в то время, мол, были правила чести, и дорогой Александр Сергеевич ну никак не мог откосить от дуэли. Андрей все равно отказывался понимать «то время» и полагал, что во все времена можно было послать негодяя куда подальше и, как сказал сам же великий поэт, «не оспаривать глупца».

Сам же Андрей (в своей ситуации) чувствовал, что не может ударить в грязь лицом, потому что если откажет Можарову, и не важно под каким предлогом, то Можаров сам это сделает. То есть «ударит», в смысле окунет его, Андрея...

В действительности, все получилось как-то само собой и после договоренности уже не имело значения, что ты об этом думаешь, с чем сравниваешь, сомневаешься или нет и даже, отчасти, чем кончится дело. Андрей не стал долго раздумывать на эту тему, а направил мыслительный процесс на поиск обхода воспитательского запрета.

Вариант нашелся один: когда обычные игры будут в разгаре, воспитатели начнут утомляться и терять бдительность, а над полем поплывут первые сумерки, то есть незадолго перед ужином, вот тогда и надо будет выступать. Вариант, как единственно возможный, был беспристрастно представлен Можарову, с чем тот и согласился, многозначительно кивнув.

Андрей не боялся похода на «камушки», ему было скорее любопытно, жгуче интересно. Он чувствовал азарт и, как он полагал, это был азарт воина, идущего на опасное задание.

Впрочем, говорил сам себе Андрей, это всего лишь камни, и Можаров дурак, что считает предстоящее действие испытанием на мужественность. Сам же струсит. А если и не струсит, то Вики ему не видать по-любому. Правда, не стоит и расслабляться. Можаров способен на какую-нибудь пакость исподтишка. Так что надо быть внимательным и не упускать его из виду...

Андрей решил для верности продвигаться к «камушкам» постепенно, с частыми продолжительными остановками. Воспитатели ничего не замечали, и к намеченному моменту оба дуэлянта были уже почти у самой гряды, более-менее надежно защищенные шеренгой собратьев, игравших в любимого «Али-Бабу».

Последний бросок надо было делать именно как бросок — молниеносно, сразу к цели, но и не привлекая внимание. Для этого Андрей выбрал наилучшую точку. Перед самой грядой, ближе к дороге росло кучно несколько деревьев. Если быстро перебежать под них и одновременно в сторону камней, то, по расчетам Андрея,

тебя потом никто не увидит. Ну а дальше путь на «камушки» открыт. Расчет его оказался верным и сработал идеально. Выглянув из-за нового укрытия, самовольщики пришли к общему выводу, что затея удалась и теперь можно переходить к, собственно, главной части.

— Ну, что? — спросил Андрей. — Отдыхать будем или сразу пойдем?

Можаров не поддался на проверку и ухмыльнулся:

— Если ты устал, давай отдохнем, я подожду!..

— С чего ты взял? Я о тебе забочусь, — ответил Андрей, поднимаясь. Можаров встал рядом с ним.

Андрей никогда не видел «камушки» так близко. И только теперь почувствовал на себе их незримое могущество. Издали они, конечно, внушали определенное уважение. Своей молчаливой неподвижностью, мелкой ноздреватой серо-белой поверхностью, переплетающимися линиями плавных обводов, неповторимостью форм...

Но, оказавшись вблизи, Андрей испытал вдруг непонятную робость. И она не была вызвана глупыми рассказами местных пацанов. Ему почему-то не хотелось ступать на эти камни. Ему показалось, что это и не камни, а некие диковинные существа, живущие в каком-то своем пространстве-времени, что оно течет там иначе, чем здесь, где они по неведомым причинам сделались видимыми. И что они на самом деле двигаются. И пройдет на Земле, может быть, тысяча лет, за которую они перейдут на другое место. Может, на место сегодняшнего леса или за дорогу. А может, будут стоять вместо исчезнувших садов...

— Ты передумал? — спросил Можаров, и начинавшая уже было слагаться легенда рассеялась, возвращая Андрея из задумчивости.

— Нет, — серьезно, серьезнее, чем когда-либо до этого, ответил Андрей и ступил на гряду.

Камни нагрелись за день, это чувствовалось даже через сандалии. Андрей сразу же понял, что его обувь явно не подходила к случаю — гладкая подошва сандалий стремилась соскользнуть, и приходилось сперва нащупывать надежное место, прежде чем встать на него.

Сзади слышалось сосредоточенное пыхтение Можарова. Андрей не оборачивался, но знал, что тот уже жалеет, что спровоцировал Андрея на этот поход. Но отступить было поздно.

Первый ряд был не такой уж и страшный. В основном невысокие скромные камни, без широких промежутков лежавшие рядом. А вот дальше другое дело. Второй и последующий ряды состояли из все более крупных и округлых камней, забираться на которые уже представляло собой задачу, и чем дальше, тем трудней. Андрею не хотелось возвращаться, но, снова заслышав за спиной пыхтение, он на всякий случай спросил:

— Выше? Или ты нагулялся?..

— Конечно, выше! — сдерживая дыхание, уверенно ответил Можаров, и Андрей повернул направо, на следующий ряд.

Вспомнив о способности своего спутника к гнусности, Андрей остановился и хотел пропустить того вперед, но потом передумал, решив лишь почаще поглядывать в его сторону. На остановку Андрея Можаров никак не отреагировал. Он встал рядом, осматриваясь.

Следующий ряд не выглядел неприступным — сантиметров на шестьдесят-семьдесят повыше, — и все же немедленно забираться на него не хотелось. Андрей наклонился и потрогал рукой ближайший камень. Он не был более или менее скользким и вообще немногим отличался от нижних — ну, побольше чуть-чуть и форма другая. Выдумывают все эти местные, подумал Андрей, и легко залез на второй ряд.

Андрей повернулся к Можарову и сказал:

— Делов-то... один шаг и все!..

Не успев услышать от Можарова адекватный ответ, Андрей замер, глядя на поляну...

На поляне никого не было... То есть совсем никого... Ни воспитателей, ни детей, ни местных, игравших всегда в стороне, с краю, в готовности присоединиться к играм лагерных. Никого!..

Можаров что-то еще договаривал по инерции, взбираясь рядом с Андреем, но, увидав его лицо, медленно повернулся и окаменел.

— А-а... — тихо и тонко протянул Можаров, — где все?..

Андрей молча смотрел на поляну.

— Андрюша! — плаксиво позвал Можаров.

— Не знаю, — Андрей удивился своему спокойствию. Он, конечно же, не верил ни единому слову местных болтунов о призраках и деревянных ногах... Но то, что произошло, показалось ему настолько простым и естественным, как будто он ждал чего-то подобного.

— Куда все делись-то? — нервно спросил Можаров и качнулся спрыгивать вниз. Андрей схватил его за рубашку:

— Стой!

— Ты чего? — испугался Можаров.

— погоди... — Андрей соображал. — Ты знаешь, что такое минное поле?

— Нет, — Можаров во все глаза смотрел на Андрея. — А что?

— А то... На минном поле не бегают.

— Я не понимаю, — захныкал Можаров.

— Побежишь — сдохнешь, понятно?! — рявкнул Андрей. — Так... спокойно.

Сядь... Садись!

Можаров послушно сел. Андрей присел рядом. Камень был еще теплый, и это немного успокаивало.

— Давай подумаем, — сказал Андрей скорее себе, чем Можарову. — Ч-черт, все-таки это правда, что ли?

— Что? — жалобно спросил Можаров.

— Не могли же уйти без нас? — продолжал Андрей сам с собой. — Не могли. Не увидеть нас не могли? Не могли. Что же это тогда?..

— Андрюша, мне холодно! — всхлипнул Можаров. Андрей посмотрел на него и заметил, что его трясет.

— Э! Ты чего это? — Андрей обнял его за плечо. — Не ссы, лягуха! Прорвемся!.. Подумаешь! Может, и вправду проглядели нас да ушли...

Андрей и сам поддался той уверенности, с какой это сказал.

— Так быстро? — с надеждой спросил Можаров.

— Конечно, — продолжил Андрей, воодушевившись. — Нас попросту забыли, такое бывает. И очень часто. Постоянно рассказывают о похожих случаях. Сейчас в лагере хватятся и пошлют за нами кого-нибудь...

— А может, сами пойдем? — искательно заглядывая в глаза Андрею, спросил Можаров.

Андрей поглядел на траву у первого ряда камней, такую близкую и спокойную, вполне обыкновенную на вид, и почувствовал, как воодушевление куда-то уходит.

— Нет, я думаю надо подождать...

Можаров подался вперед, вглядываясь в входящую к лагерю дорогу.

— Слушай, а давай позовем кого-нибудь? — Можаров перестал дрожать.

— Кого ты позовешь? — не понял Андрей.

— Ну, не знаю... Должен же здесь кто-то быть, — Можаров огляделся.

— Эй! — робко крикнул он.

— Надо выше забраться, — предложил Андрей и встал.

— Точно! — Можаров вскочил и полез на верхние ряды. — Да, сейчас залезем на самый верх и будем кричать!

— Осторожно! — предупредил Андрей и последовал за ним.

— Сейчас-сейчас! — не слушал Можаров, быстро карабкаясь все выше. — Сейчас залезем повыше... И нас кто-нибудь увидит... Нас спасут!..

— Дима! — Андрей впервые назвал Можарова по имени. — Осторожно, пожалуйста!..

Он, выбирая безопасные места, спешил за Можаровым.

Можаров, не останавливаясь, взбирался наверх. Он добрался уже до самого верхнего ряда, и уже, вскинув руки и набрав в грудь воздуха, собрался закричать, привлечь к себе внимание, как в следующую секунду, удивленно охнув, исчез из виду.

— Можаров! — заорал Андрей. — Димка!..

Он бросился, не разбирая дороги к тому месту, где только что стоял, нелепо вскинув руки, Можаров. Нога в широкой, неудобной сандалиии вдруг провалилась куда-то и огромный камень, стремительно приблизившись, ударил по голове. Свет померк...

— Все, все, сейчас очнется! — услышал Андрей над собой и открыл глаза. Сквозь темно-серую пелену он рассмотрел склонившихся над ним воспитателей и несколько самых смелых детей.

— Ну, слава богу!

— Очнулся!

— Вера Ивановна, вон вроде скорая едет!

— Давайте его, может, поднимем?

— Да вы что! Ни в коем случае!..

— Подождите, вот скорая подъезжает!..

У Андрея ужасно болела голова.

— А где Дима? — спросил он слабым голосом.

— Какой Дима? С тобой еще кто-то был? — спросили его.

— Дима... Можаров, — Андрей попытался приподнять голову.

Пелена на мгновение ушла, и он четко увидел лица воспитателей. Вера Ивановна была среди них.

— Можаров... Дима, — повторил Андрей, глядя на нее.

Вера Ивановна бережно положила его голову обратно на землю:

— Успокойся. Нет у нас никакого Димы Можарова, ты перепутал. Все будет хорошо!..

— Плохо дело, — шепотом сказал кто-то из воспитателей. — Бредит...

Андрей почувствовал, что очень устал и закрыл глаза. Потом появились врачи, Вера Ивановна сказала, что ему сделают обезболивающий укольчик и станет легче, ему надо поспать.

Андрея что-то кольнуло в руку, и он уснул...

